

С.В. Шарко

Культурно-идеологический аспект в современной политике Китая

Формирование политической культуры Китая имеет свои национальные особенности. Глобальная структурная перестройка мировой политической системы, обусловленная крушением биполярного мира Восток (СССР) и Запад (США), не устранила поляризацию мира. Политическая его трансформация связана с процессом переосмысления существующих политических концепций, а также исторического наследия и традиций, что может привести к утрате подлинных духовных и гуманных начал, если человечество теряет способность нейтрализовать деструктивные вызовы глобализации. Сегодня всё чаще упоминаются те политические концепции, в которых говорится о «столкновении цивилизаций» (С.Хантингтон), о «конце всемирной истории» (Фр.Фукуяма) и другие, нацеленные на дальнейшее доминирование Запада в лице единственной сверхдержавы США. В то же время огромный развивающийся Азиатский мир с набирающим силу Китаем утверждает свои национальные ценности, отказываясь от вестернизации и демократии западного образца.

Россия и Китай – две континентальные державы Евразии, а также многие страны развивающегося мира стоят перед мощными вызовами глобализации. «Современные развитые государства и страны имеют основой своего существования и развития не просто экономику, а инновационную экономику, производство товаров и услуг в которой в существенной степени основано и зависит от систематического использования во всех звеньях экономической

системы научных знаний»¹. В информационном обществе товаром является информация, что превращает информационные технологии в стратегический ресурс комплексной мощи государства. Стремление Китая к научно-техническому прогрессу² и активный рост его экономики рождают прогнозы о превращении XXI века. «Век Китая» как альтернативе глобализации по-американски. Заметное распространение китайского языка, китайской культуры посредством межкультурного обмена и синтеза и роста материального потенциала культурной отрасли КНР уже сегодня создает реальные предпосылки для глобальной проекции китайских цивилизационных ценностей в мир.

Политическая культура как одна из неинституциональных основ политики выражает особые формы взаимоотношений власти и общества, отражая ориентацию населения на те или иные политические объекты. Ценностные критерии и стандартные оценки политических явлений и действий власти, национальные и локальные³ мифологии и философские предпосылки политических теорий, как и сами теории, ментальные стереотипы и политические символы демонстрируют как различия государственных систем⁴, несмотря на структурное сходство институтов власти, так и содержательные характеристики цивилизационных основ политической культуры отдельных наций, народов, этносов и государств. Такое влияние политической культуры позволяет говорить о воздействии культуры как «мягкой силы» (soft power) в политике.

Китай – одна из самых древних и жизнеспособных цивилизаций мира с более чем четырехтысячелетними традициями китайских династий⁵. Многие элементы современной политической культуры в мире описывались еще мыслителями древности как в русле западной политической традиции (Платон, Сократ, Аристотель и др.), так и в восточной (Лао-цзы, Конфуций, Мэн-цзы, Мо-цзы, Сюнь-цзы, Чжуан-цзы, Шан Ян, Хань Фэй-цзы, включая древнейший военно-теоретический канон Сунь-цзы и У-цзы и др.⁶, которыми так изобилует китайская философская политическая мысль. Древние политические учения Китая опирались на философские предпосылки так называемого ицзиньского направления, несшего в себе элементы стихийной диалектики, в которой процесс изменений и превращений для китайцев того времени представлял мировой и даже космический процесс, отражающий содержание

всего бытия. В недрах даосизма, конфуцианства, моизма, легизма, натурфилософии формируются те понятия и категории, которые становятся традиционными для всей последующей истории философии и политики. Тем самым философия оказала существенное влияние на политическую культуру китайского общества.

Массовое усвоение ценностей господствующей политической культуры в обществе происходит непрерывно, включая образцы отношений с властью, степень политического участия, видение политического процесса и многое другое, формирующее представление о мире политики. Поэтому во многом тенденции настоящего и будущего поведения китайской нации, как во внутривнутриполитическом, так и в международном плане предопределены общественными установками относительно политики и их ролью в политической системе. «Собственно “политика” в западном понимании этого слова в принципе чужда китайской культуре. Государство в Китае всегда было скорее этическим, чем политическим. Политика же понималась почти исключительно как администрирование. В принципе мало чем отличаются в этом отношении и другие страны Азии с конфуцианской культурой. Здесь граждане пользуются большими или малыми индивидуальными свободами, но политика как особая сфера общественной жизни, как пространство для конкуренции различных политических сил отсутствует»⁷. В древнем Китае запрещалось даже произносить народу такие слова, как «государственное правление», «общественное устройство» с тем, чтобы предотвратить саму возможность мятежей и держать низы в повиновении. «Рассуждать о высоких вещах, занимая низкое положение, есть преступление»⁸.

Для представителей азиатского⁹ ареала культуры характерно подчинение интересов личности интересам коллектива, стремление избежать конфликта, пиетет в отношении к власти, почитание веками складывающейся системы культурно-исторических норм и политических традиций строгой иерархической подчиненности верхов и низов, правителей и подданных, отца и сына, старшего брата и младших братьев, мужа и жены¹⁰. Отношение современных китайцев к политике, закрепленное в национальном самосознании на глубинном уровне, формирует в определенной степени политическую жизнь страны. Китайское общество традиционно опирается на существующие ценностные ориентации и этические нормы.

«Нельзя не считаться с тем, что политическая культура Китая, свойственная и до сего времени огромному большинству современного китайского общества, связывает свои идеальные представления об оптимальном управлении отнюдь не с распространенными на Западе идеями “баланса властей”, “сдержек и противовесов” и прочими политическими механизмами, но преимущественно с моралью и нравственностью правителей. Источником легитимности авторитарной власти издревле считались её честность, неподкупность и способность заботиться о народе... Поэтому политическая реформа, которая ставит своей задачей одни лишь институциональные перемены, не затрагивая мораль и нравственность правящей элиты, вряд ли имеет в Китае шансы на успех»¹¹. Культура, как и образование, служит главнейшим фактором завершения всех подлинных реформ и преобразований.

Если говорить о демократических преобразованиях в КНР, а также о продвижении процесса демократизации ее политической системы, то в отношении демократии в Китае необходимо быть предельно осторожным. «В истории Китая мы не найдем примеров демократического правления, а в культурной традиции – стремления защитить права личности путем контролирования государственной власти. Без сомнения, либерально-демократические идеалы и процедуры бесконечно чужды китайской культуре. Таким образом, ни прошлый опыт этой страны, ни её культурная традиция не внушат оптимизма тем, кто ищет ростки демократизации в Китае»¹². Говоря о специфике древних восточных цивилизаций, в том числе и Китая, подчёркивается, что «антидемократизм в общественной жизни не мог не отразиться на жизни интеллектуальной, которая также была антидемократичной. Пальма первенства, право решающего голоса, предпочтения отдавались не рациональной аргументации и intersубъективному доказательству (впрочем, как таковые они и не могли сложиться на таком социальном фоне), а общественному авторитету, в соответствии с чем правым оказывался не свободный гражданин, отстаивающий истину с позиции наличия оснований, а наследственный аристократ, власть имущий»¹³. Вполне естественным для Китая было и влияние антидемократизма на формирование политической культуры общества. Политическая культура не возникает в одночасье, а также медленно поддаётся изменениям. «Ценности и нормы политической

культуры имеют первостепенное значение для жизнеспособности и сохранения единства политической системы, поскольку они формируют приверженность широких масс населения этой системе»¹⁴.

Современные китайские реформаторы увязывают процесс политических преобразований прежде всего с приоритетом создания условий (экономических, правовых, культурных, морально-этических) для постепенного вовлечения народа в управление государством. Китай отвергает ускоренную политическую модернизацию, к которой его настойчиво подталкивают западные страны во главе с США, считающими западные демократические ценности панацеей от всех бед. Политический опыт управления страной доказывает способность китайской власти решать задачи, отвечающие насущным потребностям общества. Поступательный характер китайских реформ с принципом «переходить реку, нащупывая камни», осуществляется сильной государственной и партийной властью. Китай сегодня успешно продвигается по пути всесторонней модернизации, развития экономического потенциала и мирного возвышения (хэпин цзюэци) как основы интеграции в систему мирохозяйственных связей.

Политическая культура, отражая традиции народа в сфере государственной власти и политики, по-своему интегрирует общество, обеспечивая привычные формы внутривнутриполитической стабильности КНР и повышая способность страны противостоять неблагоприятным воздействиям извне. Традиционные ценности сплачивают национальные меньшинства внутри доминирующего ханьского суперэтноса и китайскую общину (хуацяо)¹⁵ за рубежом. Конфуцианская составляющая политической культуры и её развитие в современном контексте повышают также международный авторитет Китая среди развивающихся стран за пределами азиатского региона, которые недовольны доминированием Запада. Специфический характер национальной политической культуры в определенной мере позволяет прогнозировать внешнеполитические действия китайского государства на международной арене, а также политическую ситуацию внутри страны. В китайской политической культуре центральное место занимают те ценности, установки, ориентации и стереотипы, которые направлены на сохранение существующей политической системы. Политическая культура, понимаемая в более широком смысле как политическое

измерение культурной среды в обществе с учетом особенностей цивилизационного развития, позволяет глубже исследовать причины множества политических конфликтов как национального, так и международного характера.

Как уже говорилось, философские предпосылки являются неотъемлемым фактором формирования политической культуры Китая. Осмысление философской проблематики науки о политике в Китае способствует поиску оптимальных путей развития и сотрудничества России и Китая, которые решают сегодня сходные политические задачи в условиях глобализации. Стремление Китая к научно-техническому прогрессу во всех областях жизнедеятельности государства создаёт реальные условия для глобальной проекции китайских цивилизационных ценностей во внешний окружающий мир.

Китай как одна из самых древнейших цивилизаций мира имеет национальные особенности своей политической культуры. Традиционные основы политической культуры вызревали в недрах даосизма, конфуцианства, моизма, легизма, натурфилософии. Политическая культура китайского общества с учётом цивилизационного развития позволяет прогнозировать поведение Китая на международной арене. Китай сегодня успешно продвигается по пути модернизации, экономического развития и мирного возвышения страны. В то же время центральное место в китайской политической культуре занимают те ценности, установки, ориентации и стереотипы, которые, как уже говорилось, направлены на сохранение существующей политической системы. Синкретическое философско-религиозное мировоззрение свидетельствует о неагрессивном характере восточноазиатских религий и толерантном отношении китайцев к другим народам. Подчинение интересов личности интересам коллектива, известный конформизм, стремление избежать конфликта, почитание власти, опора на этические нормы – отличительные черты китайской политической культуры. Во внутривнутриполитическом плане китайское общество по-прежнему ориентируется на традиционные ценности и этические нормы, отвергая западные модели демократии. Поэтому современный процесс политических преобразований неотъемлемо связан со спецификой традиционного культурного фактора в политике Китая.

О традиционном понимании политической власти в Китае.

Китайский традиционный взгляд на политику не совпадает с классическим западным представлением о политике, которое восходит к политическому укладу древнегреческого полиса и характеризуется публичной природой. В китайской традиции, например, такое свойство, как «стихийность» политической власти, выражается метафорическим представлением природы власти в образе «ветра» (фэн – в кит.яз., кадзэ – в яп.яз.) по сходному природному принципу («трава склоняется, когда дует ветер»). Подобный принцип содержит в себе, с одной стороны, элемент подчинения, с другой – стихийного и «утонченного веяния, которое захватывает и покоряет людские сердца», как ветер гнёт траву, т. е. в принципе насилие и произвол власти, если и не исключаются, то, во всяком случае, вуалируются.

В древнем трактате «Хуай Нань-цзы» (II в. до н.э.), описывающем царствование мифического правителя Шэньнуна, сообщается: «Грозное присутствие царя ощущалось всюду, но никто не восставал против него. Существовали наказания, но не было нужды применять их. Законы были малочисленны и мягки»¹⁶. В китайском взгляде на политику присутствует триада – власть, мудрость и добродетель. Власть сопряжена с мудростью, которая исходит от добродетельного правителя. Классический способ добродетельного правления описан Конфуцием: «Учитель сказал: Если править с помощью закона, улаживать, наказывая, то народ остережется, но не будет знать стыда. Если править на основе добродетели, улаживать по ритуалу, народ не только устыдится, но и выразит покорность»¹⁷. В древнем тексте Конфуция «закон» и «ритуал» разводятся в противоположные стороны, образуя как бы бинарную оппозицию. Политической власти свойственно такое качество как демонстративная церемониальность политического поведения, где ключевая роль отведена ритуалу, а в политической риторике ощущается напыщенность и торжественность. Например, провозглашенный современным Китаем политический курс на ускоренную модернизацию и амбициозные планы в сфере экономики международная общественность восприняла несколько скептически, отдавая дань китайской пафосно-торжественной политической риторике. Однако Китаю удалось выйти на беспрецедентные темпы экономического роста. Мир заговорил о присоединении Китая к

клубу суперзвезд Азии, о вступлении страны в «золотое двадцатилетие» быстрого экономического роста (1991–2010 гг.), о наступлении в XXI в. «Века Китая». Выход КНР уже в 1991 г. на 3-е место в мире по ВВП после США и Японии вызвал широкий международный резонанс.

Согласно Конфуцию, управление (цзяо, хуа) народом связано с его воспитанием: управлять в Китае означало выправлять и начинать с себя. Неслучайно политико-идеологическая лексика современного Китая обогатилась такими понятиями, как «общество сяокан», «всестороннее строительство общества», «гармоническое общество». По словам Ху Цзиньтао, главными характеристиками гармоничного социалистического общества являются «демократия и законность, равенство и справедливость, доверие и миролюбие, преисполненность жизненной силой, спокойствие и порядок, гармоничное сосуществование человека и природы»¹⁸. Ориентация процесса модернизации Китая в контексте развития китайской цивилизации нацелена на возрождение и объединение нации, включая не только Сянган (Гонконг) и Аомынь (Макао), которые уже вошли в состав КНР, но и Тайвань. Традиционные ценности политической культуры сплачивают ханьцев и китайских соотечественников (хуацяо), проживающих за рубежом, в глобальную китайскую общность.

Рассуждая об истоках китайской политики, мы говорили, что в китайской традиции политика ассоциируется более с не-насилием, чем с произволом власти. Однако Запад не перестаёт упрекать Китай в нарушении прав человека и применении излишней жестокости в отношении власти к обществу. Очередное обострение отношений Китая с Западом произошло из-за трагических июньских событий 1989 г. на площади Тяньаньмэнь. Нет ли здесь расхождений в понимании исторических предпосылок политики и реальной политикой? На самом деле противоречий нет. Особая проблема современной авторитарной власти во взаимоотношениях с народом состоит в установлении порядка. Как правило, отступление от общепринятого порядка ведёт к хаосу, т. е. к ещё большему произволу, учитывая количественную численность китайского населения (1,3 млрд. человек). Древнее высказывание танской¹⁹ политической мысли императора Тайцзуна гласит: «Опорой правителя является государство, опорой государства является народ. Когда народ обеспокоен – го-

сударство в опасности, когда государство в опасности – правитель погибает»²⁰. Поэтому китайское правительство пресекает в случае необходимости любое нарушение общественного порядка жестко, с точки зрения Запада. Это свойственно и другим азиатским государствам и народам. Господствующая в обществе система мировоззрения, взгляды на общество и человека формируют стереотипы поведения людей. Система взглядов, как цементирующая форма проявления политической культуры, служит также и оправданием власти. В культурной азиатской традиции циркулируют пословицы, отражающие характерные взгляды на политику, одна из которых может объяснить древнекитайские представления: «Чтобы почка не распустилась, надо воспользоваться топором».

Говоря об эффективности древнекитайской власти и политической стратегии, китаисты поясняют: «Страх как симптом власти ощущался китайцами с необычайной остротой и питал собою традиционную церемониальность политики, подчёркивавшую священный трепет всего живого перед персоной государя-самодержца. Разумеется, устрашающая сила власти совершенно не обязательно должна выражаться в реальных актах принуждения и насилия – ей достаточно быть мысленным допущением, воображаемой или, точнее, ощущаемой возможностью. Попытки перейти от угрозы к реальному насилию имеют самые печальные последствия как раз для самой власти: последняя мгновенно лишается авторитета и терпит неминуемый крах. Этот разрыв между угрозой и её исполнением, отсрочка осуществления власти, собственно, и создают пространство политической стратегии. Область политики очерчивается парой асимметричных отношений: с одной стороны, мы наблюдаем страх перед никогда не реализуемым и в реальности даже отсутствующим насилием; с другой – правила человеческого общежития скрывают и дезавуируют реальные акты насилия. Мудрость политики – это умение применять насилие, не признавая его таковым»²¹. Отсюда возникают два дуальных понятия в генезисе китайской политической власти – страх и порядок.

Древнекитайские политические трактаты содержат порой весьма сложные концепции политики, в которые не вмещаются привычные суждения европейцев о деспотизме китайской власти. Обычные западные классификации политических систем – монархия, демократия, анархия – не помогают уяснить стратегию.

Так, в 36 стратагемах из «Саньшилю цзи мибэнь бинфа» китайской политической мысли 26-я стратагема звучит следующим образом: «Начальник, желающий укротить подчиненного, должен прежде внушить ему глубокий страх, дабы тот служил предостережением»²². Эта стратагема, хорошо понятная представителям других азиатских государств, в какой-то степени объясняет политику современного Китая в отношении Тайваня. КНР стремится создать угрозу применения военной силы против Тайваня, чтобы не допустить провозглашения независимости острова. Академик М.Л.Титаренко поясняет: «Начиная с 1980 гг. внешняя политика Китая носит в основном мирный характер. Единственное исключение – осуществляемые время от времени демонстрации военной силы в отношении острова Тайвань. Представляется, однако, что такого рода действия осуществляются исключительно в демонстрационных целях. Возможно, это приходится делать, так как в КНР существуют определенные политические или военно-политические круги, которые вынуждают высших руководителей страны “откупаться” подобными демонстрациями»²³.

Массовые общественные беспорядки в Китае представляют серьёзную угрозу для общества и государства и приравниваются по своим последствиям к военным действиям. Искусство войны описывается в военно-политическом каноне Сунь-цзы, на основании которого, например, Вэй Ляо комментирует²⁴ вышеприведенную стратагему. Европейцы подобные проявления власти также могут отнести к ее деспотическим свойствам. Однако это традиционный подход по наведению порядка в государстве, который испокон веков покоился на подчинении и страхе. «В древности полководец, который был способен казнить половину своего войска, считался лучшим. Следом за ним шел тот, кто мог обречь на смерть три десятка своих подчинённых. А худшим считался тот, кто мог казнить только каждого десятого. Тот, кто мог казнить половину войска, распространял свою власть на весь мир. Тот, кто мог казнить три десятка войска, распространял свою власть на удельное владение. Тот, кто мог казнить только десятую часть войска, должен был повинаться другим»²⁵.

Исходя из вышеизложенного, можно выделить две главные особенности китайских представлений о природе политики и политической культуре общества. Первая – политика связывает лю-

дей безусловной, всеобщей связью и рассматривается как «пространство сокровенной гармонии всего живого». Безусловность связи людей и стихийное проявление власти в том, что Великий Путь «дао» делает возможным совместную жизнь людей и определяет место каждого в жизни, но он есть то, чем люди пользуются каждый день, а о том не ведают. Второе – в функциональном отношении политика носила характер не установления (а тем более воздействия), а реагирования. Исходя из традиционного китайского взгляда на политику, китаисты констатируют: «Нельзя не поражаться необыкновенной действенности власти в Китае, которая была способна держать в повиновении и при необходимости мобилизовывать и направлять гигантские массы людей, почти не прибегая к принуждению. Большинство жителей Срединной империи умирали, так и не увидев в лицо не то что государственного чиновника, но и даже его представителей из числа мелкого служивого люда. Но кто скажет, что в Китае не было Порядка?»²⁶.

Политическую и философскую мысль Китая отличает метафоричность, символичность и философская глубина китайских представлений об основах политики. В китайских представлениях власть имеет стихийный характер своего проявления, но не сама по себе, а аналогично процессам, протекающим в природе, исключая в идеале насилие и произвол. Однако при этом в реальной политике не отвергается всеобъемлющая регламентация общественной жизни, предполагающая жесткую бюрократическую систему управления. Традиционное понятие власти неотделимо от политической мысли древнего Китая. С позиции сегодняшнего дня наиболее важным направлением политической реформы с китайской спецификой является направление гармоничного развития политической и духовной культуры на основе традиционных ценностей.

Примечания

- ¹ Введение в историю и философию науки. М., 2007. С. 163.
- ² «Однако существование науки как важнейшего звена инновационной экономики (экономики, основанной на знаниях, требует не только значительного уровня её финансово-материального обеспечения со стороны государства и частного бизнеса (прежде всего – промышленных корпораций), но и соответ-

- ствующего организационного и правового обеспечения, являющихся основным предметом научно-технической политики современных обществ и государств» (Там же).
- 3 Особенностью Китая является мультиэтнический состав населения. Наряду с доминирующим ханьским суперэтносом (92 % граждан) существует 55 официально признанных этносов, имеющих свои культурные традиции и мифологию (Тибет, Синьцзян, южные районы КНР и др.).
 - 4 Современная китайская политическая система – это социалистический тип государства с авторитарной системой сильной государственной и партийной власти во главе с коммунистической партией (КПК).
 - 5 Классическая периодизация политических династий Китая.
 - 6 Традиционные принципы китайской политики, искусство управления и политическая стратегия изложены в классических трактатах «Гуй Гу-цзы», «Тридцать шесть стратагем», «Книга Основ», «Книга сердца», «Хань Фэй-цзы», «Четыре канона Желтого Владыки».
 - 7 *Кузык Б.Н., Титаренко М.Л.* Китай – Россия 2050: стратегия соразвития. М., 2006. С. 47.
 - 8 *Мэн-цзы.* Собр. классических текстов. Т. 1. Пекин, 1956. С. 418.
 - 9 Можно сказать конфуцианского ареала культуры. Конфуцианская цивилизация включает в себя несколько государств: Китай, Республика Корея, КНДР, Таиланд, Сингапур, Вьетнам, Тайвань. Но есть фундаментальные различия в организации политических порядков и в специфике протекающих в отдельных конфуцианских государствах политических процессов. Американский политолог С.Хантингтон, выделяя восемь основных цивилизаций мира (конфуцианскую, японскую, исламскую, индуистскую, латино-американскую, африканскую, славяно-православную и западную), рассматривает Японию как отдельную цивилизацию в лице одного государства на основе органического слияния в нем синтоизма, конфуцианства и буддизма.
 - 10 Несмотря на наличие иерархической лестницы, предусматривающей взаимоотношения мужа и жены, в китайской политической истории существовало несколько династий вдовствующих императриц, которые участвовали в жесткой политической борьбе за власть в буквальном смысле не на жизнь, а на смерть.
 - 11 *Кузык Б.Н., Титаренко М.Л.* Китай – Россия 2050. С. 47–48.
 - 12 *Мэнион Мелани.* Политическая система Китая // *Алмонд Г., Пауэлл Дж., Стром К., Далтон Р.* Сравнительная политология сегодня: Мировой обзор. М., 2002. С. 457.
 - 13 Введение в историю и философию науки. С. 12.
 - 14 *Гаджиев К.С.* Политология. М., 2007. С. 357.
 - 15 Китайская община – одна из самых сплоченных, многочисленных и влиятельных диаспор мира. По неофициальным данным, более 60 % громадных внешних инвестиций, общей суммы 620 млрд. долларов, за 26 лет экономической реформы получены КНР при содействии хуацяо.
 - 16 См.: *Малявин В.В.* Искусство управления. М., 2003. С. 5.
 - 17 *Конфуций.* Уроки мудрости. М., 2003. С. 58.

- ¹⁸ Материалы IV пленума ЦК КПК XVI созыва. Сент. 2004.
- ¹⁹ Династия Тан (618–907 гг.), согласно классической периодизации политической истории Китая.
- ²⁰ *Попова И.Ф.* Политическая практика и идеология раннетанского Китая. М., 1999. С. 149.
- ²¹ *Малявин В.В.* Искусство управления. С. 13.
- ²² Стратегема 26 «Грозить софоре, указывая на тутовник» из трактата «Тридцать шесть стратегем» 9Цит. по: *Малявин В.В.* Указ. соч. С. 396).
- ²³ *Кузык Б.Н., Титаренко М.Л.* Китай – Россия 2050. С. 574–575.
- ²⁴ Следует отметить, что широчайшее распространение комментаторской литературы тормозило развитие культуры и науки в Китае, поскольку шел процесс не приращения и создания новых знаний, а процесс «переваривания» древнейших канонов.
- ²⁵ *Малявин В.В.* Искусство управления. С. 398.
- ²⁶ Там же. С. 11.